
СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

УДК 314.15

ББК 60.74

DOI 10.22394/1682-2358-2022-3-42-49

L.S. Yakovlev, Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Sociology and Social Policy Department, Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

EMERGENCE OF A NEW PARADIGM OF FAMILY POLICY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL CRISIS

The article raises the problems of theoretical and methodological substantiation of the new family policy paradigm. Based on the genetic, structural and comparative analysis of the current systems of family policy, its internal contradictions are revealed. A critical analysis of the components, modern discourses of the family, campaigns, is carried out, leading to the conclusion about their methodological one-sidedness. The variability of the forms of the modern family is substantiated, and the targeting of family policy as well as the strategy of its integration into demographic policy are reviewed.

Key words and word-combinations: family policy, demographic policy, modern family forms, family discourses.

Л.С. Яковлев, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной политики Поволжского института управления имени П.А. Столыпина — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: lionel1801@gmail.com)

СТАНОВЛЕНИЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Аннотация. Рассматриваются проблемы теоретико-методологического обоснования новой парадигмы семейной политики. На основании генетического, структурного и компаративного анализа действующих систем семейной политики выявляются ее внутренние противоречия. Обосновывается вариативность форм современной семьи, переосмысливаются адресность семейной политики и стратегия ее интеграции в политику демографическую.

Ключевые слова и словосочетания: семейная политика, демографическая политика, формы современной семьи, дискурсы семьи.

Оценочные суждения и строящиеся на них предложения по оптимизации семейной политики могут основываться на ясном понимании соотношения поставленных целей и задач с резуль-

татами. Формулировка такого рода оценок оказывается в современных условиях отнюдь не элементарной задачей. Прежде всего не безусловным представляется вопрос о целях реализуемой сегодня в мире, включая Российскую Федерацию, семейной политики. В ряде случаев на первый взгляд однозначная формулировка целей оказывается внутренне противоречивой. Так, на протяжении достаточно длительного периода (конец XX — начало XXI в.) одним из ключевых принципов семейной политики в КНР была формула: «одна семья — один ребенок». Можно было конструировать на этой основе разного уровня модели начиная от предельно простых построений, сводящихся к регулированию демографических процессов, до социокультурного анализа значимости пересмотра, в условиях именно Китая, базовых основ конфуцианской идеологии, базирующейся на выведении идеи государства из идеализации патриархальной семьи. Никто, однако, не акцентировал внимания на прогнозе одного из самых масштабных следствий такой политики, вполне очевидных сегодня, а именно гендерного дисбаланса в поколениях, родившихся в условиях государственного ограничения рождаемости. Между тем эффекты такого дисбаланса весьма значимы.

Сложными и противоречивыми оказываются также следствия проводимой с 1960-х годов в развитых странах политики, предполагающей, с одной стороны, активную государственную поддержку семей, а с другой — последовательное проведение приоритета прав человека в правовом регулировании семейных отношений. При этом можно утверждать многофакторность и эмерджентность стимулируемых такой политикой процессов, потому что попытки их оценки поневоле осуществляются в смысловом пространстве, генерируемом традиционными представлениями о семье, в то время как сам этот институт фундаментально меняется.

Вместе с тем наличие у государства как субъекта семейной политики четкого, ясного представления о ее целях, вполне соотношенного с реальными условиями реализации, не гарантирует возможности осуществления адекватной оценки предъявленной стратегии. Проблема заключается в том, что достигаемые в ходе реализации стратегии результаты зависят также от характера ее взаимодействия с ожиданиями, установками, стереотипами населения. Характерные примеры такого взаимодействия предоставляют практики осуществления реформ, направленных на модернизацию, в обществах традиционного типа.

В России Петр I, а затем его последователи, реформируя в числе прочего и семейные отношения, справедливо полагали, что традиционная семья кристаллизует пассивное сопротивление реформам в силу своего институционального несоответствия их логике. Однако следс-

твиями стали культурный разрыв между различными слоями общества и формирование нового типа оппозиционности в утвердившейся в высших слоях социума модели семьи. Ответной реакцией власти стало сохранение до середины XIX столетия архаичных форм государственного патронажа семьи, включая необходимость личного обращения дворянства к императору за разрешением на выезд за границу или вступление в брак.

Переворот, осуществленный в августе 2021 г. талибами в Афганистане, показывает, что сила инерции общественного сознания и сегодня остается мощным фактором. Модернизация афганского общества осуществлялась на протяжении полувека различными правительствами, включая первый период нахождения у власти принца Дауда, но сумела преобразовать лишь мироощущение меньшинства социума. Идеи гендерного равенства, отказ от патриархальной модели семьи не были восприняты той массой населения, которая приняла талибов и знала, что они с первых дней пребывания у власти начнут осуществлять сегрегацию в образовательных учреждениях, жесткий контроль соблюдения норм шариата в семейной жизни.

Российское общество к 1990-м годам обладало характеристиками, общими для индустриальных культур. Но, во-первых, оно не было однородным. Регионы СССР, где сохранялись в наибольшей степени архаические системы ценностей, в состав Российской Федерации, как правило, не вошли и образовали после распада Союза независимые государства, включая республики Северного Кавказа. А во-вторых, и в целом специфика советской модели перехода к индустриальному обществу была достаточно глубока.

После переворота 1917 г. в Советской России возникло общество более модернистское, чем в большинстве регионов Северной Америки или Европы, где традиция не разрушалась столь жестко и интенсивно. По масштабам изменений этот период допустимо сравнить с Великой Французской революцией 1789 г., но и там уровень радикализма был не столь высок, к тому же за французской революцией реставрация последовала достаточно быстро, и в конечном итоге новые ценности были интегрированы в мейнстрим.

Вместе с тем наряду с весьма высоким уровнем модернизации для советского общества характерным оставалось сохранение целого ряда архаических социокультурных комплексов, законсервированных сталинской политикой «большой сделки», компромисса марксизма с традиционными ценностями.

Семейная политика Российской Федерации, как правило, основывалась на советской традиции. В научных периодизациях практически

всеми авторами выделяется как самостоятельный советский период и постсоветский период — в зависимости от оценки значимости изменений, произошедших в это время [1—3], что вполне логично, поскольку разрыв в традиции с точки зрения анализа проводимой политики очевиден.

Парадоксальным образом этот социокультурный разрыв интерпретируется, как правило, в пространстве особой смысловой парадигмы: «Современная российская семья значительно отличается от традиционной семьи своей структурой: возросло число неполных семей, сократилось количество многопоколенных семей, увеличилась доля однодетных семей. Распространенными явлениями стали взаимоотношения супругов и рост числа разводов, сожительство без регистрации брака и рост числа рождений детей вне брака, возросли масштабы социального сиротства или сиротства детей при живых родителях. В традиционной русской культуре основным типом семьи была большая многопоколенная семья, в которой жили несколько поколений родственников, один из которых выполнял роль главы рода. Современные дети воспитываются в однопоколенных семьях, в которых воспитательное влияние бабушек и дедушек значительно снижено» [4].

Здесь все как будто соответствует картине реальности, во всяком случае в одной из ее принятых интерпретаций, но лишь до тех пор, пока мы не зададимся вопросом о временных рамках описываемых явлений. Словосочетание «большая многопоколенная семья» представляет собой некоторую модификацию используемых в науке терминов. Если речь идет о большой семье, нет нужды называть ее многопоколенной, определение становится избыточным. Обычно понятие «многопоколенная» используют в тех случаях, когда говорится о нуклеарной семье, но имеется совместное проживание в ней старших родственников. Разница принципиальная: большая семья — это род, и именно к нему относится следующая характеристика, предлагаемая В.П. Борисенковым и О.В. Гукаленко: «...один из которых выполнял роль главы рода». Вполне очевидно, что все это не имеет отношения к советской семье в ее модельном варианте как в плане законодательства, так и применительно к реальным практикам. Создается впечатление, что, по мнению авторов упоминаемой статьи, современная Россия возникла на основе прямой преемственности от России царской, и никакого советского периода просто не было. Между тем три поколения наших соотечественников жили при социализме, и для них та самая «традиция», описываемая на материале общины не XIX даже века, а более ранней, была совершенно чуждой. Их жизненный опыт строился на системе отношений, рожденных не только завершившимся десяти-

летия назад распадом кровно-родственной общины, но и достаточно глубоким кризисом нуклеарной семьи, включая и «отчужденность», и «разводы», и «однородность».

В еще более парадоксальной форме близкие по смыслу идеи формулирует М. Хазин, наиболее популярный лидер партии «Родина». В ходе заседания Клуба «Улица Правды» он подробно изложил свое представление о роли семьи в трансформации российского общества, а следовательно, и о семейной политике. При этом становится ясно, почему партия «Родина» не может набрать на выборах в Государственную Думу даже 1% голосов [5].

В данном случае М. Хазин действует откровенно как фрик, используя факт использования В.В. Путиным словосочетания «большая семья». Совершенно очевидно, что Президент РФ вкладывал в эту формулу исключительно бытовой смысл, имея в виду отца, мать, трое и более детей, то есть многодетную семью. Но М. Хазин использует данное понятие в культурно-историческом смысле и развертывает объемные рассуждения относительно того, как вписать в современное российское законодательство кровно-родственную общину. В результате предлагается пересмотреть понятие собственности, причем с введением в законодательство конструктов, органичных скорее эпохе «варварских Правд», когда писанные законы фиксировали прежде всего нормы обычного права [6]. Разумеется, в современное правовое пространство такого типа нормы интегрировать невозможно, и все идеи М. Хазина остаются чистой спекуляцией.

Аналогичным образом рассуждает И. Бойков: «Народы, обладающие так называемой “агрессивной демографией” (в Европе это выходцы из африканских и азиатских стран, в России — среднеазиаты и кавказцы), превосходят деградирующее и численно сокращающееся белое население и качеством своих семей, и крепостью семейных институтов... Не отстоим институт крепкой русской семьи — не отстоим и России» [7]. Здесь больше пафоса, очевиден неприкрытый, откровенный национализм, но с содержательной точки зрения речь идет о том же, что у М. Хазина: альтернативой нынешнему положению вещей оказывается возвращение в глубокую архаику.

Подобный способ конструирования парадигмы семейной политики не только маркирует определенное направление в идеологическом пространстве, но и в некотором смысле находит корреляции с положениями действующей Концепции семейной политики Российской Федерации.

Согласно этому документу, «приоритетами государственной семейной политики на современном этапе являются утверждение традици-

онных семейных ценностей и семейного образа жизни, возрождение и сохранение духовно-нравственных традиций в семейных отношениях и семейном воспитании, создание условий для обеспечения семейного благополучия, ответственного родительства, повышения авторитета родителей в семье и обществе и поддержания социальной устойчивости каждой семьи». «Целями государственной семейной политики являются поддержка, укрепление и защита семьи и ценностей семейной жизни, создание необходимых условий для выполнения семьей ее функций, повышение качества жизни семей и обеспечение прав членов семьи в процессе ее общественного развития».

Исходя из этого, определяются задачи семейной политики, лежащие в плоскости стимулирования экономической самостоятельности семей на основе обеспечения занятости, государственной помощи в вопросах обеспечения жильем, здравоохранения, профилактики семейного неблагополучия, развития сети детских дошкольных учреждений, социальной защиты, пропаганды семейных ценностей, к которым «относятся ценности брака, понимаемого как союз мужчины и женщины, основанный на государственной регистрации в органах записи актов гражданского состояния, заключаемый в целях создания семьи, рождения и (или) совместного воспитания детей, основанный на заботе и уважении друг к другу, к детям и родителям, характеризующийся добровольностью, устойчивостью и совместным бытом, связанный с взаимным стремлением супругов и всех членов семьи к его сохранению» [8].

С учетом ориентации политики современного Российского государства на обеспечение прежде всего социально-экономической и политической стабильности данный подход представляется вполне естественным. Однако попытки радикального пересмотра понимания семьи на протяжении мировой истории всегда были органически присущи только программам комплексных и радикальных реформ, и далеко не всегда имели успех. Вместе с тем институт семьи отнюдь не остается неизменным, причем не только в результате социокультурной диффузии, взаимного (или преимущественно одностороннего) обмена ценностями между различными цивилизациями, но и в процессе развития конкретных обществ на собственной основе. При всей инерционности семейных форм они тем не менее меняются в зависимости от изменений в социально-экономической жизни.

Репрезентативными исследованиями в последние десятилетия констатируется преодоление разрыва между неудовлетворенностью брака и его расторжением у молодых поколений, сокращением общей продолжительности браков [9, с. 73], снижением уровня реальной

установки на многодетность [10–12]. При этом наблюдается расхождение между показателями, получаемыми в ходе проективных опросов, и данными о реальном поведении. Юноши и девушки на вопрос о количестве желаемых детей могут рассуждать о потенциальной многодетности, но это не определяет их поступков; в опросе ВЦИОМ они высказывают желание жить после вступления в брак под одной крышей с родителями, но на практике стремятся получить собственное жилье.

Применительно к современной России вряд ли следует говорить о признаках распада института семьи. Однако формы ее меняются, и обратного направления этот процесс принять не может. В настоящее время семья становится вариативной по различным региональным, социокультурным общностям, причем различия могут носить фундаментальный характер — от сохранения традиционной патриархальной семьи до превращения брака в условность. Негативными следствиями такой дифференциации являются, с одной стороны, обособление социальных общностей в крайних версиях прогноза и распад единого социокультурного пространства; с другой — потенциально высокий уровень конфликтности межнациональных браков (представителей разных этнокультурных общностей). Решение подобных проблем невозможно упрощенными методами.

Проблемы соотношения семейной и демографической политики требуют фундаментального осмысления. К сожалению, распространенным является крайне упрощенное представление об их прямой, «грубой», взаимосвязи, когда в СМИ настойчиво тиражируются рассуждения, касающиеся высокой рождаемости в странах с низким уровнем индустриализации и урбанизации. Явно недостаточно изучены также вопросы воздействия на институт семьи миграционных процессов. Осмысления требует и адресность семейной политики. Достаточно очевидно, что она должна быть обращена прежде всего к поколению моложе 35 лет. Иллюзия, что этому поколению будут транслированы неизменными семейные ценности старших поколений, ни на чем не основана. Необходим развернутый комплексный анализ реальных ориентаций и ожиданий молодежи в отношении семьи.

Библиографический список

1. *Рабжаева М.В.* Историко-социальный анализ семейной политики в России XX века // Социологические исследования. 2004. № 6. С. 89–97.
2. *Носкова А.В.* Эволюция государственной семейной политики в России: от советских к современным моделям // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 6. С. 155–159.

3. Троишкина И.Н., Смолина И.Г. Государственная семейная политика как основа функционирования современной семьи (региональный аспект) // Социодинамика. 2019. № 11. С. 20–43.
4. Борисенков В.П., Гукаленко О.В. Институт семьи и семейная политика в современной России: проблемы, тенденции и перспективы // Науковедение: интернет-журнал. 2014. Вып. 5 (24), сент. – окт.
5. Большая семья как основа «образа будущего» (Хазин, Лепехин). URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2bdrMdaBUDE>
6. Большая семья... (Михаил Хазин) // Okkupantu.NET. URL: <http://okkupantu.net/khazin-mikhail/9823-bolshaya-semya-mikhail-khazin>
7. Бойков И. Кризис института семьи как зеркало демографической катастрофы // АПН.ru. 2012. 1 июня. URL: <https://apn-nn.com/analytic/krizis-instituta-semi-kak-zerkalo-demograficheskoy-katastrofy/>
8. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 25 авг. 2014 г. № 1618.
9. Население России – 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневский. М., 2011.
10. Архангельский В.Н. Репродуктивное и брачное поведение // Социологические исследования. 2013. № 2. С. 129–136.
11. Гольцова Е.В., Леценко Я.А. Факторы социальной среды как детерминанты брачности и рождаемости // Социологические исследования. 2010. № 2. С. 125–130.
12. Синельников А.Б. Проблема прочности многодетных семей (результаты Всероссийского исследования многодетных матерей) // Фамилистические исследования. Т. 2: Миллион мнений о семье и о себе: сборник / отв. ред. А.И. Антонов. М., 2009. С. 339–350.